

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

АНАТОЛИЙ
МАКСИМОВ

АТЛАНТИДА УНЕСЁННАЯ ВРЕМЕНЕМ

Исторические открытия

Анатолий Максимов

Атлантида, унесенная временем

«Алисторус»

2017

УДК 910.2(262)
ББК 26.89(9)

Максимов А. Б.

Атлантида, унесенная временем / А. Б. Максимов —
«Алисторус», 2017 — (Исторические открытия)

ISBN 978-5-906947-06-2

«И вот Зевс... помыслив о славном роде, впавшем в столь жалкую развращенность, решил наложить на него кару...» — так заканчивается повествование Платона об Атлантиде — цивилизации, тайна которой притягательна своей ускользающей неразгаданностью... Когда и где она процветала? Как погибла? Возможно, ее существование — лишь плод воображения античного философа? Как толковать свидетельства древних? Задавшись этими вопросами, автор вместе с единомышленниками отправился в морскую экспедицию. Путешествие, начавшееся в крымском Судаке и завершившееся вблизи берегов Санторина и Крита, увенчалось рядом удивительных открытий, о которых и рассказывается в этой книге.

УДК 910.2(262)
ББК 26.89(9)

ISBN 978-5-906947-06-2

© Максимов А. Б., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

От автора	6
Цена риска – жизнь	7
Опасный свидетель	7
Дела неветеранские...	10
Побег в неизвестность	20
В открытом море	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анатолий Максимов

Атлантида, унесенная временем

© Максимов А.Б., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

От автора

Описанные события случились в тревожные для нашего Отечества девяностые годы. Тогда в судьбу семерых людей вмешался господин Великий Случай.

Случай помог троим из них избежать смертельной опасности и сподвигнул их на удивительные личные открытия в области, где все уже давно, казалось бы, открыто на «вспаханном поле» феномена, возникшего то ли 12 000 лет назад, то ли только 3 500. И вот по следам этого феномена – полулегенды-полуправды – прошли люди разного возраста и разного профессионального опыта, но объединенные одной навязчивой идеей.

Автор описал попытку выдвинуть и обосновать еще одну гипотезу в адрес ... Но лучше вы, дорогой читатель, разберетесь в этом сами, прочитав об этих необычных событиях в жизни «Случайной семерки».

Одно хотелось бы сказать: этому повествованию предшествовало многолетнее увлечение автора другим феноменом (1908 года) с собственной нетрадиционной гипотезой его происхождения. Речь идет о Тунгусской катастрофе в авторском научно-популярном издании «Никола Тесла и загадка Тунгусского метеорита». Опасаясь быть нескромным, все же скажу: книга о «Тунгусе» выдержала четыре тиража общим объемом в 20 000 экземпляров.

И вот теперь предлагается рассмотреть нетрадиционный взгляд на платоновскую Атлантиду и возможное описание древнегреческим философом ее аналога в центре Средиземноморья...

И поможет в этом читателю коллективное расследование в результате 70-дневного посещения «атлантидных мест» экипажем шлюпа «Аквариус» на маршруте в 10 000 километров – под парусом, немного в микроавтобусе и совсем чуть-чуть на самолете.

Цена риска – жизнь

Опасный свидетель

Голос ревущего моря доносился во все уголки дома. Дребезжали стекла окон, порывы ветра проникали под кровлю и шуршали там засохшими листьями. Струи дождя хлестали по окнам деревянной террасы, на которой мы трое лежали, и даже полудремота не могла заглушить наши тревожные мысли.

– Решайтесь, ребята! – шепотом промолвил я, старший из нас по возрасту. – Или сегодня, или...

Двое других, молодой человек и девушка, поняли меня с полуслова. Второе «или» означало для всех нас вопрос жизни и смерти. Ведь уже дважды послушались они приказа Рыжебородого. Дважды оставили в живых меня – единственного свидетеля расправы главы доморощенной мафии в крымском Судаке над удачливым коммерсантом-перекупщиком...

...Несколько лет назад, в феврале, я побывал в Судаке и договорился с местной мэрией о моем переезде в этот древний город на постоянное жительство. А это означало, что я должен был уйти на пенсию. В Москве я подал рапорт на увольнение со службы, назначив дату – 23 августа.

Но это был не простой август, а август 1991 года! В тот день, когда ГКЧП объявило о чрезвычайном положении в Союзе, мой рапорт был подписан.

Стремительный развал Советского Союза превратил Крым в вотчину Украины, а сама эта бывшая республика стала для меня ближним зарубежьем. Украинские националисты начали травлю всего русского, намереваясь на этой волне объединить свой народ на основе «самостийности» – якобы истинной самостоятельности и независимости. Их просчет в конфронтации с Россией дорого обошелся украинцам – страна обнищала.

Теперь возможности поселиться в Судаке у меня уже не оказалось, ибо мэрию возглавили ярые националисты. Русскому человеку стало трудно найти место в этом городе, а тем более работу.

Судьба свела меня в Крыму с моим старым товарищем по военной контрразведке, с которым мы, морской набор, вместе учились в тбилисской спецшколе. Он рано ушел в отставку и поселился в Судаке, а до того работал военпредом на судостроительном заводе в Феодосии. Его мечтой было поселиться в Крыму, построить яхту и избороздить Черное море. Удалось ему исполнить только два желания: жить на крымской земле и иметь яхту. Завод пошел ему навстречу, выделив материалы, а строителей он нанимал сам. Потеряв в двадцать восемь лет жену, мой друг жил одиноко.

Третье желание исполнить не удалось: по приезде в Судак у друга обострилась застарелая болезнь сердца, и через полгода он скорпостижно скончался. Это случилось в очередном феврале, когда я наездами бывал в Судаке.

До последней минуты я был с другом. Его родные жили на другом краю страны – во Владивостоке, и старым людям трудно было выехать в столь далекий Крым. Дом в Судаке друг снимал, и в нем я останавливался, а яхта, в ожидании дальних путешествий, стояла у причала клуба подводного плавания «Дельфин» под охраной местного сторожа.

Друг понимал, что яхта останется бесхозной, и, зная мою страсть к морю, настоял на том, чтобы она оказалась в моих руках.

– Друг Максим, я подписал у нотариуса все необходимые бумаги – владей яхтой «Кафа» и исполни мою мечту... Борозди море... А «Кафой» я назвал ее в честь нашего любимого с тобой древнего города Феодосия, известного тысячи лет назад под именем Кафа...

Слышать это было больно, и мои попытки вселить в него надежду на возвращение к жизни заставляли друга только тихо улыбаться. Обычно в момент таких разговоров он погружался мыслями в свой мир. Мир человека, приблизившегося к последней черте.

Я обещал выполнить волю умирающего и внутренне поклялся самому себе, что поставлю другу достойный памятник. И выполняя это обещание, я познакомился с личностью, которая скрывала свою натуру – мафиозное лицо.

Рыжебородый охотно помогал мне найти в горах и перевезти на местное кладбище камень-валун редкой серо-голубой окраски. Он же нашел резчика, который выбил на камне надпись. Так уж случилось, что Рыжебородый много времени был рядом со мной, участливый и полезный. Что-то меня в нем беспокоило: какая-то нерусская сдержанность, более похожая на затаенную угодливость ради возможной выгоды. Но какой?

* * *

Чтобы понять, почему я, капитан первого ранга в отставке и сотрудник разведки госбезопасности, решил покинуть Москву и оказаться именно в Судаке, нужно заглянуть в мое детское прошлое, начав с лета сорок пятого года.

В то лето моя семья – мама и папа, младший брат и я – пересекли страну от Полярного Урала до Черного моря. Мы приехали в Феодосию в дом моего дедушки, с сорокового года проживавшего в этом городе. Здесь я увидел впервые море, проникся к нему всей душой. Познакомился с картинами великого певца моря Ивана Айвазовского и чуть не стал учиться на художника, вовремя поняв, что это не мое призвание. Но тяга к рисунку и особенно к акварели осталась на всю жизнь.

Город был закрытым для свободного посещения, ибо был военно-морской базой флота. На пляже я познакомился с местным пацаном моего возраста, отец которого командовал военным тральщиком. Это его постукивание двигателя слышали жители во всех уголках города, когда он разминировал от фашистских мин феодосийскую бухту. Ведь немцы покинули Феодосию лишь год назад, в апреле сорок четвертого.

Пацан с интересом слушал мои рассказы о Крайнем Севере, его тайге и снежных зимах. Вот о чем я не рассказывал ему, так это о заключенных, которые в великом множестве находились в лагерной зоне нашего городка Ухта. Как-то я рассказал ему о моей поездке с отцом в партию по геологоразведке нефти и газа. Тогда мой новый товарищ заметил, что на днях отец берет его с собой на тральщик, идущий в базу под Севастополем.

– Слушай, Максим, – возбужденно сказал он, – я упрошу отца взять и тебя... Может, удастся уговорить?

Как ни странно, удалось. И вот мы с ним стоим на подрагивающей от работы двигателей палубе боевого корабля, резво огибающего высокий мыс Святого Ильи. Курс наш был вдоль берега от мыса к мысу на запад.

Где-то часа через полтора тральщик вышел на траверз мыса Меганом в виде конуса потухшего вулкана, что в пяти километрах от Судака. Когда мы проходили мимо древнего города, я увидел на высокой скале средневековый замок. Это была знаменитая генуэзская крепость, одна из самых больших в Европе, о чем, конечно, я узнал позднее.

И вид этой крепости так запал мне в душу, что много лет, даже десятилетий, я мечтал побывать у ее стен. Однако жизнь сложилась так, что это случилось лишь в семидесятых годах.

Когда срок моей службы приближался к сорока годам, я все чаще подумывал о переселении в Крым. Семья, жена и взрослая дочь с внучкой меня в этом поддерживали. Сделал даже попытку перевестись в Севастополь, написав рапорт на имя начальника разведки.

Начальник возможность работы для меня, к тому времени опытного сотрудника, с позиции океанографического института в славном городе моряков поддержал. Но воспротивился

местный, крымский начальник госбезопасности. Он заявил, что ему «для такой работы капитан первого ранга ни к чему» – он предпочитает лейтенантов.

И вот – Судак. Мне здесь все нравилось: море, горы, плавная изогнутая береговая линия, рядом Новый Свет с его тремя бухтами, крохотный городок... и генуэзская крепость на высокой скале надо всем этим благолепием. Как и в Феодосии, и везде, где есть море, все просилось на бумагу: от рисунка к кисти...

Дела неветеранские...

В восьмидесятые годы в армию и во флот шли девушки. Чаще всего во вспомогательные службы.

Ольга с детства мечтала о море, флоте, морской форме... Слишком многое в ней было от парня, ибо она была настоящая крымская пацанка. Я таких девчушек знал еще с одиннадцати лет, когда приезжал на целое лето к деду в Феодосию. И девчонки с нашей улицы, и любая пацанка с любого конца нашего древнего города не уступала в сноровке ребятам.

Мечта Ольги сбылась – ее взяли во флот, а ее старший брат, офицер флота, помог ей окзаться в дельфинарии, расположенном в закрытой зоне Казацкой бухты Севастополя. Правда, она была лишь вольнонаемной с правом ношения морской формы.

Ольга была младшей в семье военного моряка с фронтовой биографией. От отца и брата Виктора ей досталась тяга к морской службе. Брата она обожала, уважала и по-детски любила, а со временем привязалась к нему всей душой.

И хотя бывал ее брат, капитан третьего ранга и командир подводной лодки, временами весьма строг к ней, Ольга на него долго не обижалась. Всегда признавала, правда, задним числом, его правоту. И сколько раз она была ему благодарна за то, что, даже в резкой форме, он удерживал ее от «вздорных поступков», как говорил он!

И ничего не могла Ольга с собой поделывать, когда шла к нему за советом или просто «поплакаться в плечо». Получалось так и в пятнадцать, и восемнадцать, и даже в двадцать пять лет – брат был в курсе фактически всех ее «девчачьих дел», и не только их.

Она обожала его маленькую дочурку Ладу, которой о время поступления Ольги на службу во флот в восемьдесят восьмом году было всего семь лет. В общем, брат был занят на подлодке дни и ночи, а его супруга с удовольствием доверяла еще со школьных лет малышку Ольге. Раньше этого делать не получалось, так как до флота Ольга была вдалеке, в Судаче, где она училась в школе, и жили ее родители-пенсионеры.

И случилось так, что Ольга во многом повторила в себе черты характера отца и брата. Причем не только открытость в общении, но и решительность. Все это ей пригодилось во время службы в дельфинарии. Там тренировали этих смышленных морских красавцев для военных целей. Она была абсолютно уверена, что дельфины чутко понимали ее настроение и всегда старались выделить ее среди остальных. Видимо, думала Ольга, они сердцем воспринимали ее чувства и доброе внимание к ним.

Дельфинарий дал ей многое: Ольга стала отменной пловчихой, чемпионом своей войсковой части, а затем и города.

Столь полная радужных надежд жизнь Ольги, ее брата и родителей расстроилась в одно мгновение. Беловежское предательство Бориса Непредсказуемого и его подручных «коммунистических» лидеров Украины и Белоруссии в одночасье развалило великое российское государство в лице Советской России на «удельные княжества» из числа бывших союзных республик.

На Украине русские оказались иностранцами на своей собственной родине. Снова из-за недомыслия Бориса Непредсказуемого, Крым не стал частью России, его даже не попытались оставить в русской земле. А русские были отнесены к людям «второго сорта».

Россия и Украина начали делить Краснознаменный Черноморский флот – величайшую гордость мощи государства российского еще со времен Екатерины Великой, Потемкина, плеяды адмиралов, в числе которых первым «черноморцем» достойно признан и по сей день Федор Ушаков...

Переговоры русских и украинских военных по разделу флота предусматривали пропорциональное деление. Причем одну подлодку русская сторона в список не занесла. Это была засекреченная экспериментальная подлодка особого назначения.

Естественно, украинская сторона понимала, почему эту подлодку русские хотят оставить у себя. Последнее время подлодка «маневрировала»: ее видели в бухтах Севастополя, но чаще всего – на рейде Феодосии и у Судака, точнее, вблизи Нового Света, в одной из трех заповедных бухт – Синей, Зеленой или Голубой.

Характерными особенностями этой дизельной среднего тоннажа подлодки была ее специфическая конструкция и необычное назначение. Она имела открывающуюся носовую часть по всему диаметру корпуса для запуска всего одной ракеты, зато баллистической. Фактически подлодка представляла собой стартовую «шахту» с подвижным прицепом в виде подводной лодки.

И тогда у украинских адмиралов, вчера еще ходивших под присягой и флагом советских военно-морских сил, вызрел замысел: русскую подлодку тайно захватить. Причем расчет строился на том факте, что русская сторона не сможет поднять шум – ведь такая подлодка в списках раздела флота просто не значится.

Особый отдел безпеки – украинской госбезопасности – работал над планом похищения подлодки, ключевой фигурой которого должен был стать флотский аквалангист из числа фрогменов – подводных диверсантов. Это был выходец из Карпат, ярый националист.

* * *

В силу обстоятельств, о которых будет сказано дальше, я проживал в Судаке. И находился в «свободном плавании», не отягощенный никакой официальной должностью отставника госбезопасности. Последнее мое место работы было связано с многолетней подготовкой кадров разведки в ближнем Подмоскowie.

И вот неожиданно в доме моего умершего друга появился мой бывший слушатель, а ныне сотрудник разведгруппы особого отдела украинского флота. Трагедия развала Советского Союза и ярый национализм на Украине глубоко потрясли его душу. Он понимал, что «украинский флот» не может существовать в реальности в отрыве от российского.

Он был убежден, что образец новой подлодки не должен попасть в руки Запада, в объятия которого стремились вооруженные силы Украины, надеясь быть принятыми в НАТО. Бывший слушатель пришел ко мне за советом и помощью по срыву планов похищения подлодки у русской стороны.

Вот так случилось, что «свободное плавание» привело меня снова к делам разведки, ибо информация «по делу о подлодке» немедленно была доведена до Москвы. В столице, после разгона госбезопасности, разведка была преобразована в самостоятельное федеральное ведомство с прежним названием, точнее – в службу внешней разведки.

И вот я, ветеран флота, военной контрразведки, разведки, внешней торговли и специального учебного заведения, снова вышел на тех своих коллег, с которыми работал два десятка лет в нескольких странах по разведзаданиям научно-технического характера и проникал в агентурную сеть западных спецслужб под личиной предателя родины.

Кроме того, с начала шестидесятых годов я входил в особое подразделение, глубоко засекреченное даже внутри самой разведки, – ГРАД. В Группу разведчиков активного действия меня привлек идеолог, организатор и глава НТР в предвоенное, военное и послевоенное время, посмертно ставший Героем России. О моей работе в составе ГРАДа знали только два руководящих сотрудника разведки: ее глава и мой начальник по линии НТР.

Спецификой работы в этой группе была особая привилегия, состоявшая в самостоятельной оценке оперативной обстановки, самостоятельном принятии решений и самостоятельных действиях на грани риска.

Научно-техническая разведка от «демократической перестройки» органов госбезопасности пострадала менее других. Требование американских советников, засевших в московском Белом доме в компании Бориса Непредсказуемого, о ликвидации НТР не было выполнено. И потому в «деле с подлодкой» мне было к кому обратиться.

Правда, я не собирался раскрываться перед нынешним начальником НТР как «секретный сотрудник ГРАДа». В вопросе с ГРАДом инициатива выхода на меня происходила «сверху», и только так. Тем более после событий девяносто первого года.

В Москве мы оговорили план действий под кодовым названием «Шхуна». В «деле с подлодкой» время – фактор решающий. И я уезжал в Крым с конкретным заданием по срыву угона подлодки в украинских водах.

Мне были даны условия связи в Севастополе с вызовом на встречу агентессы «Лады», брат которой – командир именно той подводной лодки. Я получил описание «Карпа» – Богдана Брода, того самого подводного диверсанта-националиста, но не видел фото. Придется искать и фото, и его самого.

Замысел нашей разведки заключался в следующем: установив контакт с агентессой, нацелить ее на вероятное появление Карпа в окружении ее брата, войти в доверие к Карпу и попытаться уговорить его отойти от участия в угоне подлодки или... Об «или» агентесса узнает в нужный момент: это особое задание – действие по обстановке.

* * *

Поселился я в гостинице «Украина» на площади Восстания, названной так еще в честь событий девятисот пятого года. На нее выходила 6-я бастионная улочка. Она была во время обороны Севастополя в Крымскую войну одной из самых знаменитых. На этой улице мне дали явку в домике, который содержал старый боцман, участник обороны Севастополя уже в эту войну.

Агентесса жила вблизи площади в домах послевоенной постройки. И из окна моей комнаты в гостинице я мог наблюдать через площадь подъезд ее дома. Оставалось только опознать ее по фото.

Для наблюдения за подъездом мне нужна была «техника» – бинокль либо подзорная труба. Последнюю, причем весьма старую, я приобрел у летнего сада на барахолке, столь распостранившейся по всей России и на Украине – время было трудное, и жители сводили концы с концами, распродавая нажитое в советское время.

В Севастополе почти все рядом – город не такой уж большой. Чаще всего в центре его люди ходят пешком, особенно утром по прохладе в тени каштанов и платанов. По моим расчетам агентесса, могла выходить из дома часов в восемь. Но... наблюдение за полчаса до и после восьми результатов не дало.

Не мог же я знать, что «завтрак» в дельфинарии, который был заботой агентессы, – в семь утра. Ей приходилось садиться в троллейбус сразу после шести, чтобы оказаться на месте минут за пятнадцать до «завтрака». Именно ее работа в дельфинарии, где готовили «боевых дельфинов», привела агентессу к контактам с советской госбезопасностью.

Вот так, методом проб и ошибок, я все же отловил агентессу и увидел ее садящейся в троллейбус прямо перед входом в гостиницу.

Итак, летним утром я ехал в троллейбусе, в котором агентесса направлялась на работу. В это раннее время народу в салоне было мало, и мне с «предметом моего обожания» удалось сесть рядом. Наступил самый сложный момент: нужно было назвать пароль и получить от

агентессы отзыв. А чтобы еще более убедить ее в том, что я не случайный человек, – показать ей план музея-заповедника Херсонеса, развернув его из трубочки.

Начал я с плана. Несколько раз сворачивал его в трубочку и наконец развернул перед агентессой с вопросом:

– Здесь не говорится о времени работы музея. Вы не подскажете, когда он открыт?

– Кажется, ежедневно, с девяти до семи вечера...

Контакт был установлен, но не оперативный – такой вопрос мог задать любой человек. Но далее шли уже слова пароля:

– Вы не скажете, во Владимирском храме похоронены четыре или пять флотоводцев?

Агентесса с небольшой паузой спокойно ответила:

– Похоронено четыре адмирала...

Но и такой ответ мог дать любой житель города, ибо так оно и было. А вот второй вопрос – это уже только для нас. И все же я опасался быть непонятым – она ничем не показала, что поняла первую часть моего пароля. И я спросил:

– Вы имеете в виду собор в Херсонесе?

– О нет, на Городской горке... Храме-усыпальнице адмиралов...

И чуть повернув ко мне голову, она улыбнулась мне одними краями губ. Теперь все сошлось: ключевые слова пароля звучали так: мои «четыре или пять флотоводцев» против ее «четырех адмиралов» и мой «собор в Херсонесе» против ее «на Городской горке».

Я положил руку на план музея Херсонес и мягко постучал пальцем по рисунку храма Владимира, а затем раскрыл ладонь и пошевелил всеми пятью пальцами, давая понять: встреча в пять вечера. А большой палец вниз – это день, то есть сегодня. И снова короткая полуулыбка на губах – в знак согласия.

На месте встречи я оказался, естественно, заранее. Обходя музей почти что по периметру, издали осмотрел подходы к храму. И был обрадован, что перед входом в него стоял стенд с обширным описанием обстоятельств появления этого храма в Херсонесе. Это давало нам обоим естественную возможность задержаться в этом месте, разговориться и затем пройти среди развалин древнего города.

Издали я заметил стройную фигурку агентессы Лады, и ровно в пять мы встретились у стенда. Два-три слова, и мы оговорили причину появления нас здесь, у стенда, и случайного места и времени знакомства – ранее друг друга не знали, но я попросил ее показать мне древний город. Причем если потребуется, то сослаться на случайное знакомство в троллейбусе (было все же опасение, что или за ней, или за мной могло быть скрытое наблюдение местной безопасности).

– Звать меня Максим Алексеевич Бодров, – представился я. – Скажите, Лада, – назвал я ее псевдонимом, чтобы еще раз развеять ее последние сомнения обо мне как о «человеке из Москвы». – Вы в контакте с местной безопасностью, ее особым отделом? Они после девяносто первого года к вам не подходили?

– Нет. И зовите меня просто Ольгой... Дело в том, что мои знакомые офицеры из особого отдела бывшего советского флота покинули Севастополь и уехали в Россию...

– А как они объяснили вам дальнейшие отношения с русской спецслужбой?

– Сказали, что изъяли мое досье и все сведения обо мне из архива, – спокойно пояснила Ольга.

– А как вы думаете, почему бепака оставила вас в покое? Вы ведь продолжаете работать в дельфинарии? Не так ли? И тема та же – дельфины-диверсанты?

– Но, во-первых, тема уже не та – просто дельфины, нет средств на содержание штата для специальных тренировок... Ну, а что касается контактов с офицерами из Желтого дома, – так по-прежнему называют Особый отдел флота на Городской горке – то это из-за моей специфической работы с сохранившимися дельфинами-диверсантами...

Я со стороны посматривал на эту двадцатипятилетнюю молодую женщину, типичную крымчанку – загорелую, с шапкой коротких волос темно-каштанового цвета и крепкой фигуркой спортсменки. Все в ней дышало энергией – от взгляда и речи до твердой походки уверенного в себе человека. И моя тревога о главном исполнителе по срыву угона украинцами нашей подлодки стихала. Доверие вызывали сила ее характера, столь четко проявившегося в этой короткой встрече с ней, и, конечно, подробные отзывы в ее досье.

Ранее в Москве я встречался с ее куратором по Севастополю:

– Ты найдешь в ней отличного помощника, – говорил мне коллега.

И действительно, так оно и есть. Долго мы не могли быть вместе, и я спросил:

– Вы не знакомы с Богданом Бродом?

Ольга резко повернула ко мне голову и воскликнула:

– Что он еще натворил?

– Пока еще – ничего, но...

– Так и есть, – в сердцах сказала Ольга, – он же «жовто-блакитник» и еще со школы гордился этим... Имел неприятности с комсомолом и учителями...

А я радостно подумал – Ольга хорошо знает Богдана, а это уже шаг в подходе к нему.

– Да. Мне это известно – он ярый националист... Имеет редкую морскую профессию: подводный диверсант... Вы это знаете? – спросил я Ольгу.

– И ваш сегодняшний интерес к нему связан как-то с его профессией? – уточнила Ольга.

– Да.

– Я знакома с ним давно. Он, как и я, из Судака. В детстве, в школе, я слыла «боевой пацанкой» и в делах ребят не уступала ни в чем... И он «ухаживал» за мной – проходу не давал... И после, когда мы встретились с ним здесь, в Севастополе...

– А сейчас?

– Кажется, успокоился. Жена, ребенок... Но у меня есть чувство, что семейная жизнь у него не удалась... Он откровенно радуется нашим случайным встречам... До недавнего времени продолжал встречать меня при въезде в дельфинарий... Точнее, перед входом в запретную зону в Казачьей бухте...

– Это где вы вышли сегодня из троллейбуса? – уточнил я.

– Нет, тогда, до событий девяносто первого года, зона начиналась ближе к центру города...

Помолчав, Ольга добавила:

– Он, как и я, увлекается плаванием. Мы часто встречаемся на тренировках и соревнованиях в Корабельной бухте...

– Значит ли это, что вы сможете общаться с ним?

– Думаю, да. Однако я чувствую, что у него есть серьезный интерес ко мне...

– Почему? – спросил я, догадываясь, почему.

– Просто он чаще, чем ранее, попадает на глаза. И не просто здороваются, а ищет предлог, как он говорит, «пощебетать» о школьных и прочих пустяках...

Я попросил Ольгу тщательно разобраться, что за чувство у Богдана к ней. Ведь я вынужден был предполагать, что Богдан, имея задание по нашей подлодке, может втереться через Ольгу в доверие к ее брату, командиру этой лодки.

* * *

Оценка обстановки показывала, что в цепочке подхода к одному из исполнителей по угону подлодки, Богдану, имеется наш человек – агентесса Лада-Ольга. Она должна найти способ привлечь внимание Богдана к себе с тем, чтобы он доверился ей, возможно, проговорился или сообщил о некоторых деталях плана захвата лодки.

Предполагалось, что имея задание со стороны украинских спецслужб по выходу на окружение командира подлодки, Богдан может рассчитывать на личную взаимность Ольги. И может решиться втянуть ее в «дело с подлодкой». Хотя ему, вернее всего, не хотелось причинить ей неприятность, но...

Случилось так, что Богдан стал настойчиво искать пути чуть ли не ежедневных контактов с Ольгой. Сделать это было не сложно. Прошло немного времени, и они стали встречаться по вечерам. Обе стороны, хотя и не зная об этом, решали каждый свою задачу: Богдан обрабатывал Ольгу, а она – его.

Мне Ольга рассказывала, что общение с Богданом ее не тяготило. Он был ей приятен и как школьный товарищ, и как умный собеседник, и как внимательный спутник с претензией на нескрываемую симпатию к своей «школьной любви».

Однажды, после неоднократных попыток Богдана «выпить чашку чая из рук Ольги», она пригласила его к себе домой. Ее комнатка была весьма уютной. В квартире проживали еще трое – украинская пара, с добрым чувством к молодой незамужней женщине, и одинокий флотский офицер.

В ее комнате Богдан был поражен двумя моментами: эркерной площадкой, делающей комнату много объемнее и светлее, и видом из окон эркера на колонну-памятник кораблям, погибшим еще в Крымскую войну, и на Хрустальный мыс со стелой памяти защитников. Окна захватывали даже кусочек Графской пристани.

Все это выглядело издали хотя и уменьшенным, но весьма живописным. Особенно когда море отражало в себе разные часы дня – от рассвета до заката и ночного сияния огней кораблей на рейде.

Пока Ольга готовила чай, Богдан начал просматривать книги – их было очень много для одной комнаты и одной хозяйки. Они по три-пять вклинивались разноцветными обложками в обстановку комнаты: стояли на шкафу, на подвесных полках, у письменного столика, возле диван-кровати, между вазами различных форм и размеров... Книги были в основном общеобразовательные, а не многотомные подписные издания, – о море, путешествиях, приключенческие, о войне. Последних было особенно много.

Чего-то не хватало... Журналов мод! Но были журналы специальные – «Вокруг света», «Наука и жизнь», альманахи о событиях в мире, но все довольно старые. Эти журналы остались в России, и выписывать их было дело не очень-то дешевое. А из книжных киосков и магазинов подобный «товар» исчез. На стенах в хороших рамках – отличные копии картин Айвазовского с парусными кораблями и хорошей выделки фото маяка в окружении чаек. И еще портрет улыбающегося морского офицера – брата Ольги.

Уют явно убаюкивал Богдана – и он, почему-то с тоской, подумал, что из этого «уголка счастья» придется уходить.

– Ольга, – сказал он, любуясь ее ловкими движениями – чашки, блюдца и вазочки с ложками для варенья стремительно переключивались из серванта на стол, – в твоём лице пропадает отличная хозяйка... Для двоих... Нас с тобой?

– Может быть, может быть, – задумчиво кивала Ольга. – Но двое – эту уже не свобода... Это лишь часть свободы... И ее нужно отдать с глубокой уверенностью, что потеря этой части стоит того...

– Это именно обо мне, Ольга, – подхватил игру слов Богдан. – Готов подарить кому-либо свободу и взамен не брать ничьей... Это тебя устроит, Ольга?

Зная коварный замысел украинцев, Ольга искала в отношениях с Богданом следы не личного, а служебного интереса. И не находила – пока. Он был только увлеченный ею молодой человек. Его искренность Ольгу успокаивала, но временами тревожила. Богдан также не мог не чувствовать крепнущую взаимную привязанность. Но, как выяснилось весьма скоро, не забывал и о «деле».

Однажды Ольга передала ему ключи от квартиры и попросила подождать ее дома. Это было сделано по моему совету – требовалось проверить искренность Богдана. После ухода Богдана Ольга проверила три контрольные точки – места, по которым можно было понять, грубо говоря, шарил ли кто-либо в ее вещах.

Уловка была предельно проста – расческа как масштабная линейка. Ее зубцы – это «свидетели»: смешалось ли что-то в вещах. К досаде Ольги, все три места оказались смещенными. Письменный стол тщательно исследовался – ящики, бумаги, документы... Богдан в вещах копался!

Мне стало понятным, что с этого момента Ольгу не стала мучить совесть за то, что она «работает» против своего «школьного товарища». И хотя она знала, что он из разведслужбы, но, как она сама сказала, «наивно надеялась», что он с ней честен. Я предупредил ее, что сейчас нужно делать так, чтобы он не почувствовал изменения в их отношениях.

Ближе к осени, как-то неожиданно, Богдан стал частенько приглашать Ольгу на Золотой пляж, который простирался в открытом море за пределами бонных заграждений у Константиновского равелина. Фактически пляж начинался от равелина и затем шел вправо вдоль берега за пределами «ворот» в бухту.

Вскоре Ольгу насторожил один факт из жизни брата. Будучи у него дома, она узнала, что его подлодка стоит на бочке вблизи равелина. Однажды Ольга даже помахала рукой брату, зная, что он в бинокль следит за катером, на котором она плыла на пляж. Этот легкий взмах рукой заметил Богдан и спросил, с кем это она «перемахивается». И Ольга ответила, что с братом, и что он командир подлодки.

Но делала она это сознательно, подталкивая Богдана на следующий шаг: попытку его выйти на брата-подводника. Теперь она узнала, что Богдан на катере не отдыхает, а «работает» – следит за обстановкой вокруг равелина и лодки.

О том, что Богдан интересуется подлодкой, Ольга узнала, когда провела незатейливую «акцию». В сильный ветер ушла на подветренный борт вместе с Богданом. Но вблизи лодки брата Богдан ее оставил и перешел на ветер. Будучи там, Ольга могла его наблюдать со стороны – он буквально «ел глазами» лодку.

На пляже Богдан стремился располагаться рядом с моряками, и, как поняла Ольга, кое с кем он был знаком. Среди них были моряки и с подлодки. По отдельным репликам ей стало понятно: он встречается с ними в городе. И это особенно настораживало.

И вот, по нашей задумке, однажды к Ольге на пляже присоединился брат. Знакомство состоялось, и Богдан был в ударе, стремясь понравиться брату его девушки. Конечно, его интересовал выход на саму подлодку.

На встрече со мной Ольга высказала опасение, что Богдан может найти выход на лодку помимо нее. Она готова была ускорить процесс вербовки ее Богданом, но как? И сама призналась – через постель.

– Ты хорошо взвесила свои чувства и деловую сторону с нашей общей точки зрения? – спросил я Ольгу. – Уверена ли ты, что он поверит твоей искренности после... этого?

– Его особый интерес подтвердился фактами поведения Богдана, связанного с лодкой, братом и экипажем... Нужно рисковать, Максим Алексеевич...

– Разве я об этом риске говорю, девочка ты моя... Как быть с твоей душой после этого?

– Но я говорила, что Богдан мне не так уж безразличен... Должна же я хотя бы ненадолго почувствовать себя женщиной?! – печально завершила Ольга разговор о личном.

Мое доверие к этой молодой женщине после такого признания не убавилось. Она – из флотской семьи, из хорошей советской школы в глубинке, разумная в делах нашей службы, а главное – умеющая действовать без потери самоконтроля.

Она – свидетель разрушения истории: на ее глазах высшая власть совершила предательство по отношению к стране и всему народу – эту душевную травму она носила в душе. И, как

она отмечала, в беседах со мной искала слабое утешение в том, что совсем плохо стране не должно быть. Ольга хотела быть участником «вытаскивания страны из трясины разгула демократии и дикого капитализма». Теперь нужно было принимать решение.

– Ольга, последнее слово за тобой – действуй! Но при одном условии: при первой же угрозе тебе лично или делу ты должна исчезнуть... Для начала – в Судак, а затем мы поможем тебе перебраться в Россию...

Наступило многодневное трудное время – ожидание вестей от Ольги. Правда, скрадывал вынужденное безделье тот факт, что стала поступать информация о «деле с подлодкой» из Москвы.

Время от времени подлодка выходила за бонное заграждение, уходила в море и затем вставала на якорь на внешнем рейде, километрах в полутора-двух от берега. Это было необходимо делать регулярно, как говорят на флоте, для «проворачивания механизмов» – иначе застой в их работе ведет к мелким поломкам либо отказу каких-либо деталей.

Москва сообщала, что именно в один из таких выходов украинские спецслужбы готовят ее захват. Их план действий представлял собой следующее: еще до рассвета поближе к нашей лодке подойдет под перископом украинская подводная лодка. Высадит вблизи нашей подлодки подводных диверсантов, которые постараются захватить вахтенного в рубке нашей лодки и бросить в открытый люк усыпляющего действия бомбу. Затем их лодка возьмет нашу лодку на буксир и отведет ее в одну из бухт за пределами Севастополя, где ранее в тоннелях скрывались подводные лодки советского флота...

И больше ничего – все остальное мы должны были сделать сами. Мы – это я, мои коллеги и Ольга. Стало понятным, почему Богдан стремился установить контакт с моряками с подлодки. Ему нужно было знать время выхода в море и, что особенно важно, место, где лодка встанет на якорь после похода: на внешнем рейде или войдет в бухту?

И мы с Ольгой разработали свой план. В основе его лежали наши активные действия: навязать Богдану и его сообщникам «удобную» для них дату и время «атаки» нашей подлодки.

На последней встрече Ольга призналась, что ее близость с Богданом состоялась. Она обратила внимание на тот факт, что он чувствовал себя не в своей тарелке – что-то его угнетало. Причем он проговорился, что на несколько дней ему придется покинуть Ольгу. И это в тот момент, когда их первая близость состоялась?!

– Странно это все, Максим Алексеевич. Он искренен со мной в наших близких отношениях... Но вот – нервничает...

Последнее и меня озадачило: если угон состоится с участием Богдана, то он освободится от службы буквально в тот же день. А тут – «на время»... На сколько и почему?

Богдан фактически переселился к Ольге. Это нас устраивало – был повседневный контроль за ним, его поведением и настроением. Беспокойство Богдана нарастало, и время от времени Ольга ловила на себе его тревожные взгляды.

Мы предполагали, что он испытывает тяжелейшее раздумье: замешивать или нет Ольгу в это подлое дело? Ему нужно было перейти Рубикон... Наш план ускорила Ольга: она «проговорила», что ее брат уходит в море на несколько дней. При этом она высказала досаду, которую заметил Богдан. И естественно, поинтересовался, в чем дело?

– Ольга, ты чем-то обеспокоена?

– Понимаешь, Богдан, хотела занять у брата деньги на покупку нужной мне вещицы... Вот этой, – указала она на старенькую и потрепанную временем люстру. – А он отбыл на лодку и уходит завтра в море, причем дней на пять... А люстра-то ждать в комиссионке не будет... – А я на что? Где эта люстра? И сколько надо?

Ольга как ножом отрезала:

– У тебя не возьму – мы не муж и жена, и я у тебя не на содержании...

Богдан знал эту непримиримую шепетильность Ольги в вопросе с деньгами и только развел руками. Но когда до него дошла новость о выходе лодки в море, тут уже ему было не до люстры.

В этой ключевой беседе мы рассчитывали на два момента: Богдан должен немедленно довести до сведения «заговорщиков» эту ценнейшую информацию – достоверную и актуальную. И в связи с появлением этих сведений он должен был немедленно покинуть Ольгу. Последнее должно было подтвердить тот факт, что Богдан не только возможный участник операции с захватом подлодки, но и информатор о ситуации вокруг нее – о точном времени выхода в море и сроке пребывания в нем!

А длительное пребывание в море говорило о том, что лодка будет стоять на якоре на внешнем рейде. Точнее – не на якоре, а на бочке, фиксированной якорной цепью и балластом на дне морском.

Через два дня, когда подготовка нашей стороны закончилась, встреча с «захватчиками» приобрела конкретные формы: наш спецназ, химзащита (если все же...), способ локализации налетчиков и последующие официальные действия в адрес украинской стороны.

В день передачи Богдану «ценной» для него информации он так и поступил: почти что бегом исчез из дома Ольги. В окно она видела, как он стремительно помчался вдоль ее улицы в сторону штаба украинского флота.

Только на третий день узнал я подробности операции «Шхуна». Так что произошло на борту лодки? Попытка убрать вахтенного в рубке нашей лодки «удалась», ибо руководивший операцией адмирал в перископ увидел долгожданный сигнал: «все в порядке». Украинская подлодка всплыла, подошла к борту нашей лодки, и группа из трех моряков во главе с адмиралом-украинцем вошла в рубку, где... и была повязана.

В рубке уже сидело с кляпом во рту четверо пловцов-диверсантов. И среди них – Богдан. Когда командир подлодки, брат Ольги, подошел к знакомому диверсанту-неудачнику и с презрением посмотрел ему в глаза, то заметил, что тот хочет ему что-то сказать. И командир принял решение: здесь, на борту лодки, допросить поочередно всех.

На допросе Богдан поведал трудно воспринимаемую новость:

– Они хотели угнать лодку в Турцию... И деньги за это получили...

Захват был предотвращен и сопровождался появлением взрывного содержания информации: адмиралы готовились угнать и продать нашу лодку в Турцию, точнее, спецслужбам НАТО.

После захвата должны были вывести ее в море, где уже ждал ее натовский сторожевик с командой для подлодки. И самое страшное было в том, что скрытность нахождения подлодки в российских руках и тайная акция по ее угону в Турцию предусматривала... ликвидацию русского экипажа, всех до одного!

Наши меры по разоблачению попытки захвата лодки были весьма ограниченными. В ситуации, когда лодка «не существует», мы могли указать на факт такого «вандализма» только руководству морского штаба Украины в Севастополе. И не более!

Как показали дальнейшие действия украинской стороны, «большие верхи» такого провала своим подчиненным не простили. На кратковременном допросе Богдан сказал брату Ольги, что не мог стать предателем и Украины, и России. Ольгу он увидел через день и поведал ей, что находится под колпаком безопасности – его «пасли» люди из наружного наблюдения.

И мы понимали, что все подозрения лягут на него: он дал точную дату выхода лодки в море, и он мог проболтаться Ольге о сделке адмиралов с турецкой стороной. Значит...

– Богдан, – говорила ему Ольга, – тебе нужно скрыться. Они тебе этого не простят...

– Заботься о себе, Ольга. Я понял, что ты была в среде тех, кто помешал этой затее. Но как ты вычислила, что я участник в этом трижды проклятом деле?

– Лучше сейчас думай о себе... Но почему ты не пошел на этот шаг и не взял деньги для жизни за рубежом?

– А как бы я жил с этими грязными деньгами и замаранной совестью? Ты-то меня знаешь – я националист, но... но не предатель Святой Родины... В ее едином лице: Украины и России... Жаль только, что я поздно понял это единение...

Он страдал, и Ольга видела это, особенно когда он стремился понять ее место в этом «деле».

– Все же, Ольга, почему ты пошла против меня?

– Спасайся, Богдан. Я буду действительно рада тебя видеть. А об этом – после, это долгий разговор...

«Долгий разговор» не получился: через день Богдан был «случайно» сбит машиной. И в тот же день она сама чуть было «случайно» не попала под машину. Ольга о гибели Богдана не узнала – к этому времени она уже была в Судакe. Впрочем, о судьбе Богдана я ей рассказал, но в совершенно не обычной для нее обстановке – далеко в море и далеко от нашей родины...

Побег в неизвестность

...Грохот бури становился все сильнее, и все сильнее зрело желание воспользоваться отвратительной погодой, чтобы ускользнуть от следящих за нами дюжих молодцев Рыжебородого. Они открыто уже не один день преследовали меня.

К власти обращаться было безнадежное дело – русский для них был человеком второго сорта, и они палец о палец не ударили бы ради его защиты. Более того, они просто не поверили бы мне. Да и моих друзей, Влада и Ольгу, я бросить не мог. Им также грозила опасность. А Ольге даже дважды – от украинской беэпки и Рыжебородого.

Рыжебородый был в чести у местной власти. Он был не только вхож в кабинеты местной администрации, но его нередко можно было видеть в их компании на берегу в фешенебельном кафе, которое он контролировал. Все бы ничего, но однажды, в апреле, я поднялся на гору Алчак, скалу, выдававшуюся в море. Как обычно, бродил по пустынным ее склонам, ибо в это время на Алчак мог забраться только такой чудака как я, а не местные и даже отдыхающие. А меня тянуло сюда из-за ветра – любимого мной сильного упругого ветра, как тот, что гулял в этот день на покатых склонах горы.

Гора имела своеобразную форму: она как бы окаймляла судакскую бухту слева и нависала над ней массой высотой в сотню метров. Со стороны бухты склоны ее были пологими, а с другой, невидимой, – резко и вертикально обрывались земным разломом.

И как обычно, заглянул я с ее вершины на берег, который лежал под горой. То, что я увидел на полоске берега из нагромождения камней и гальки, и послужило впоследствии причиной возможной моей ликвидации. На берегу – с расстояния метров сто внизу – я увидел Рыжебородого, ведущего по камням человека со связанными руками. Сомнений не было: в этом глухом углу готовилось преступление. Мысль лихорадочно искала разрешение проблемы спасения человека. И я решился, громко окликнув Рыжебородого.

Нервы у Рыжебородого были отменными – он даже не обернулся, но сделал какой-то знак рукой, высоко подняв ее над головой и указав в мою сторону. Видеть он меня не мог, но по звуку определил место точно. Рыжебородый и пленник скрылись за выступом скалы, преграждающей дорогу в маленький заливчик.

Смеркалось, и я быстро стал спускаться по каменистой тропе в сторону города. Когда я вышел на набережную, меня догнали два парня, которых я ранее видел в окружении Рыжебородого. Они внимательно осмотрели меня, видимо, составляя описание для своего мафиозного шефа. Вычислить, что именно я мог быть на Алчаке, им не представляло особого труда – в это время редко кто бродил вблизи него.

Дня через два я сопоставил слухи об исчезновении коммерсанта-перекупщика, которые поползли по городку, с событием, свидетелем которого я был на Алчаке. А еще через несколько дней ко мне обратились мои молодые друзья, один из которых достался мне в наследство от ушедшего из жизни друга. Это был знакомый Ольги Влад. И вот Влад открыто рассказал мне, что им дано задание устроить мое исчезновение из города.

– Максим Алексеевич, Рыжебородый требует вашего отъезда из Судака, более того, он угрожает...

– А что конкретно он имеет против меня? – спросил я, надеясь понять тактику Рыжебородого.

– Он не объясняет, а лишь говорит, что есть «высокие люди», заинтересованные причинить вам большой вред... Как я понял, эти люди командуют Рыжебородым из Севастополя... Почему-то эти люди интересуются и Ольгой.

И вот этим вечером, перед самой бурей на море, Влад рассказал мне, что под угрозой покаречить его и Ольгу Рыжебородый приказал ему убраться. Но Влад уже второй раз не

выполнил его приказ. Теперь мы были в ловушке – люди Рыжебородого стерегли нас на улице. Правда, была еще надежда – это воспользоваться штормом и из-под носа улизнуть от них. Вопрос заключался только в двух моментах: как и куда?

– Ребята, шторм разгулялся не на шутку, – опять стал шепотом рассуждать я, – нужно что-то предпринять и выбраться из этой западни еще до рассвета... Иначе нам крышка... Давайте искать этот шанс...

– А что, если попробовать укрыться в клубе «Дельфин»? – высказал предположение Влад. – Там яхта... Дождемся утра, когда шторм утихнет, и уйдем из Судака...

– Уйти? А куда? – спросила молчавшая пока Ольга.

– Главное – выбраться из Судака, и по возможности незаметно, – согласился я с Владом, – но лучше сделать это именно в шторм, когда нас будет трудно перехватить... Даже если это произойдет на глазах людей Рыжебородого...

Мы еще помолчали, и я спросил Влада:

– Где документы на яхту?

– У меня, с собой... Я их ношу при себе с того момента, как Рыжебородый поручил мне...

Влад замялся, деликатно намекая на мое убийство.

– А паспорта – твой и Ольги?

– Мой – со мной, а у Ольги, видимо, нет... Не так ли, Ольга? Я не надеюсь на чудо...

– И напрасно, Влад, он – при мне. Я сегодня им воспользовалась, когда получала заказное письмо для отца... Вы ведь знаете, что сам он на почту не может ходить... И свои рукописные дела доверяет мне... Эти воспоминания на бумаге держат его, как он говорит, на плаву...

– Тогда все отлично, – весело воскликнул я и добавил, – есть кое-какая идея, как исчезнуть из города...

Влад и Ольга, внимательно слушая, прильнули ко мне:

– Во-первых, нужно скрытно исчезнуть из дома, затем пробраться на причал клуба «Дельфин» и попытаться незаметно для сторожа увести яхту в море...

– В шторм? – угрюмо спросил Влад.

– Именно в шторм... Это шанс спастись и навести Рыжебородого на неверный след... Выйди мы просто из города, Рыжебородый с большой легкостью нас найдет...

– А на яхте мы сможем уйти на восток или запад... Причем морем, где, как известно, следов нет, – радостно возразила Владу Ольга.

– Конечно, едва ли Рыжебородый станет искать нас в море, – повеселел Влад.

Мы еще помолчали.

– Но как отойти в такую погоду, точнее, волну, от причала? – сам себя спросил Влад.

– Ну, это уже твоя забота, – молвил я, – ты у нас штурман...

Именно это нравилось моему умершему другу во Владе, а еще – отличный его характер и то, что он был мастер на все руки.

– Влад не всемогущ, – несколько грустно заметил Влад.

– Но пока у нас сплошные чудеса – со штормом, с моим паспортом, с яхтой на причале, – оптимистично заметила Ольга, – если уже повезет, то надолго...

– Ну что, согласны бежать? – подвел я итог дискуссии.

И получил молчаливую поддержку моей идеи. А чтобы усилить настрой на хороший результат, напомнил о мнении великого воина:

– Наполеон говорил, что главное – втянуться в сражение, а там посмотрим... Так что, моряки, действуем?

Даже по сверкнувшим глазам было видно, что ребята оживились, увидев, казалось, свет в конце туннеля.

И я стал командовать:

– Сейчас нужно приготовить и взять с собой весь запас еды, деньги и вещи – штормовки моего друга, его рабочую форму моряка, плащи, обувь... Лучше взять кеды... Свитера... На каждого что-то из теплых вещей... Белье...

Про себя я решил, что возьму с собой только то, что мне особенно дорого – марки, которые собирал всю жизнь. Их и документы следовало завернуть в пластиковые пакеты, добавив к ним деньги.

Мы ползали по комнатам и наощупь собирали вещи, запихивали их в рюкзаки и вещмешок. Деньги я имел в достатке – перед отъездом сюда, еще в Москве, кое-что снял со сберкнижки. Взяли мы с собой фонарик, топорик и большие ножи, рассчитывая использовать их в случае нападения парней Рыжебородого.

Из дома имелось два выхода – на улицу через парадный вход и через террасу во двор с виноградником, который соприкасался с виноградником соседнего двора. Это был путь на улицу, уходящую вниз под гору, но главное – в сторону причала.

– Выходить будем по-одиночке, – сказал я. – Первым пойду сам и подам сигнал вам, подняв руку вертикально. Следите за моим силуэтом... Придется ползти на коленях, а лучше по-пластунски...

И спросил Ольгу:

– Ты хорошо подогнала одежду? Брюки-то чужие и, верно, велики... Пояс пригнала по своей осиной талии?

Ольга согласно кивала. Мы надели рюкзаки и сосредоточились.

Я подполз к двери и стал ее медленно открывать, крепко удерживая рукой из опасения, что она от ветра может хлопнуть. Это было нам ни к чему – насторожило бы наших караульщikov. Дверь приоткрылась ровно на столько, чтобы выпустить меня, и я передал ее из рук в руки Владу, который, поняв меня без слов, крепко схватил ее створку.

Шум шторма ворвался на террасу и меня порадовал. Струи дождя мгновенно вымочили мое лицо, пытаюсь проникнуть за воротник. Отполз я метров на пять и прислушался: ветер ревел, стучали ветви по крыше, где-то вдалеке слышался рев бушующего моря и больше – ни звука.

Я поднял руку и через несколько секунд рядом оказались Влад и Ольга. Мы гуськом проползли по тропинке вглубь сада и затем выползли в виноградник. Там мы уже смогли идти на четвереньках и таким манером прошли весь ряд виноградника, ведущего в сторону моря. И поднялись во весь рост только тогда, когда оказались вне видимости дома.

Однако идти по улице мы все же не решились и двинулись к причалу напрямик, через виноградники. Вскоре он показался вдалеке. А пока мы падали, скользили по склонам холмов и уже не замечали, что мокры и грязны, а белесая крымская глина сделала нас весьма похожими, как заметил Влад, на мумий.

Вот мы и у цели. Возле причала из железобетона на волнах плясала наша яхта. Равномерно взлетая выше причала и опускаясь глубоко вниз, яхта оказывалась то на свету, то в тени. Свет падал от единственного фонаря на столбе рядом со сторожкой. Конечно, сторожа не было видно – он, думается, не дремал, а дрыхнул – в такую бурю. Встреча с ним нам была ни к чему, ибо я не исключал, что ребята Рыжебородого уже могли предупредить его о возможном нашем появлении возле яхты.

Клуб выглядел бетонным кораблем, носом уходящим в море. Его скошенные балконы-палубы напоминали силуэт океанского лайнера. Яхта стояла с наветренной стороны, и я заметил, что ветер был нужный нам, прижимной. Это радовало – при таком ветре яхту унесет в море, стоит ей только выйти за края причала. Если бы ветер был с другой стороны, то яхту могло бросить на камни.

Мы решили обогнуть здание яхтклуба с затененной стороны. Это был путь хотя и более длинный, но менее заметный. Правда, наш вид позволял ползти по причалу, ибо мы были серы от глины и сливались бы с серым бетоном мокрого причала.

Десять минут коллективного пыхтения, и мы сосредоточились у края причала и с нескрываемым опасением смотрели, как вокруг нашей яхты беснуется море. Привыкнув к периодичности ее взлетов и падений, хотели сбросить на нее свои рюкзаки, но не решились – море могло их смыть. Пришлось попросить еще раз тщательно заправить одежду и надеть рюкзаки за спину. Этого нельзя было делать, когда дело имеешь с водой, с лодкой и сильной волной, но... У нас выбора не было. И мы рискнули. Первым прыгнул Влад – он должен был принять Ольгу и меня. Прыгнул удачно, сразу за уходящей волной. За ним, точно повторив его прыжок, последовала Ольга. Теперь должен был прыгнуть я.

Но если Влад и Ольга отличались худошавостью, то за годы службы я на государственных хлебах отъелся, и моя «морская грудь» начиналась прямо от подбородка. Да и весил я столько же, сколько они оба, если не больше. В общем, пытаюсь удержать меня, я сшиб их с ног и здорово помял.

Все! Кажется, все. Мы оказались на борту. Ползком добрались до кокпита, нырнули под укрывавший его брезент и, немного придя в себя, освободились от рюкзаков, прислушались. Чуть приподняв брезент, осмотрелись – все спокойно. Взглянули на друг друга – это было зрелище! Грязные, растрепанные, мокрые до нитки, но бодрые, даже повеселевшие. Ибо мы были на борту яхты – открывался путь к спасению, вернее, уже открылся. Но опять «но»...

Шепотом стали обсуждать следующие наши действия. Влад уже продумал уход от причала, но для этого маневра кто-то должен был снова выйти на причал и удерживать яхту, пока она выйдет за край его, хотя бы на полкорпуса. Сам Влад нужен у румпеля и на парусе, который все же придется ставить.

Правда, потом решили, что лучше поставить кливер, с помощью которого в такой ветер яхту мгновенно вынесет в море. Значит, за кливер отвечать будет Ольга, которой было не впервой управляться с парусами.

Итак, на причал должен был вылезать я. Но если на яхте было за что ухватиться, то причал был гладок, мокр и, следовательно, скользок. Одна была надежда, что мой вес поможет мне удержаться на его поверхности. Так оно и случилось.

Влад перебросил мне трос, и я крепко намотал его на руку, оставив небольшую слабинку, чтобы он не увлек меня за собой, когда яхта уйдет вниз. Освободив концы на носу и у кормы, я пошел, вернее, пополз вдоль причала к его оконечности. Отливная волна подхватила яхту и понесла ее в нужном нам направлении. Я лихорадочно искал момент, когда мне удастся успеть вскочить на палубу. А момент – это доли секунды.

Вот она уже носом поравнялась с краем причала, и я прыгнул, не думая о том, где в это время палуба. А она, оказывается, поднималась и меня ударила. Хорошо, что я сразу же подогнул ноги и упал на бок, а то бы мне несдобровать.

Влад оказался на высоте: как только яхта вышла за причал, он приказал Ольге поднять наполовину кливер. Ветер упруго изогнул парус, яхта стремглав вылетела на открытую воду и стала удаляться от берега. Пока Влад работал на румпеле, а Ольга с парусом, им не было дела до меня. А я спокойно лежал, прижавшись к мачте. Ольга помогла мне спуститься в кокпит, и только тогда я почувствовал, что все-таки ушибся.

Яхту бросало как щепку, но с каждым мгновением мы удалялись в кромешную тьму бушующего моря. А там было наше спасение. Душа ликовала – от грозящей нам опасности мы ушли.

Теперь нарастала другая тревога: куда идти? Потеряв во тьме береговую линию, кливер мы убрали, ведь яхту и так несло по ветру. Судя по всему, мы двигались вдоль берега на запад.

В открытом море

... Очнулся я от слабых ударов головой о внутренний борт яхты. Сознание медленно входило в меня, припоминались детали событий прошедшей ночи. Голова болела от сперттого влажного воздуха в помещении форпика яхты. Рядом трудно дышали мои спутники, распростертые на старых парусах.

Вчера, после удачного побега, у нас не хватило сил взломать замок, крепкий амбарный, на створках дверей каюты, и мы забились в крохотный форпик для хранения парусов. Сон нас вырубил, как оказалось на целых пять часов.

Ощупью нашел я запор крышки форпика и открыл ее. Солнце брызнуло на меня с такой силой, что я еле удержался, чтобы не свалиться на своих друзей. А они, сбившись в комочки, спали друг к другу носами у моих ног.

Чуть высунув голову, я сделал несколько глубоких глотков свежего воздуха, который бывает только у моря и в горах или в чистом поле и лесу. Море сверкало тысячами брызг солнца. Больших волн с белой гривой не было.

Шторм утихал, яхту плавно качало, и она, не торопясь, двигалась, оставляя солнце слева. Все говорило том, что нас несло на запад. Берега видно не было, но там, где должен был быть горизонт, кучковались облака – это был верный признак, что берег где-то там, за горизонтом. И это нас устраивало, ибо, значит, мы были вне видимости с берега и, более того, в нейтральных водах.

Ребят пока будить не стал – пусть на свежем воздухе поспят еще часок. Мучительно хотелось освободиться от тяжелой и все еще мокрой местами одежды. И придать любимому мне ветру тело, еще с детства привыкшее к его тихим и резким порывам. Снял с себя все, кроме трусов. И хотя всего на несколько минут, но продрог мгновенно.

Я сидел в кокпите, углублении для управляющего яхтой. Румпель был закреплен прочно, направляя яхту по неведомому пока нам курсу. А мной обволакивала тихая радость за все, что удалось сделать за последние дни, за вчерашний удачный побег, да и просто за то, что я снова в море. О заботах впереди не хотелось думать...

Но тревожные думы в голову лезли сами. Во-первых, нужно было вскрыть каюту и найти инструмент для морской прокладки движения яхты. О том, что такой инструмент имеется на ее борту, говорил Влад. Правда, только он знал, где находится тайник с этим самым инструментом. Во-вторых, следовало бы перенести все три рюкзака в каюту и разобраться в их содержимом, особенно с едой и водой. В-третьих, развесить мои промокшие вещи на вантах для просушки.

Собственно, с третьего я хотел начать. Но любимый мной ветер в этот раз меня подвел – все же это было не лето, а ранняя весна, и еще в открытом море, и я мгновенно продрог. Тем более, что солнце прочно ушло за тучи. И потому взялся за рюкзаки и, не вытряхивая их содержимого, чуть-чуть порывшись, вытащил на свет грубой вязки свитер, столь мне знакомый, – это была одна из любимых вещей моего ушедшего из жизни друга. Комплекцией он был даже крупнее меня, и свитер окутал меня до колен. И хотя он был чуть подмокшим, я знал, что на ветру он быстро высохнет. Через несколько минут мои мокрые вещи развевались на ветру, придавая яхте пиратский вид.

Теперь очередь дошла до каюты. Чуть укрывшись от ветра в кокпите, я еще немного покопался в рюкзаках и среди мокрых вещей обнаружил топорик и ножи. Один из ножей фактически был острой финкой. Это и решило судьбу замка – его я не тронул (он был мне не по зубам), а набросился на петли для него. Они были врезными и, аккуратно работая финкой, я вырезал одну из них и проник в каюту.

Там было тепло и уютно – три спальных места буквой «П», столик и встроенные в стены шкафчики. Где-то здесь находился тайник с навигационными инструментами и, возможно, с картами Черного моря. Пора было будить моих друзей, невольных пленников моря. Но прежде мне хотелось «принять душ». Эта мысль ко мне пришла, когда в шкафчике под трапом в каюту я нашел парусиновое ведро литров на пять с привязанным к нему концом – длинным пеньковым тросом (по-морскому – шкертом).

Пройдя на корму, я начал черпать за бортом воду, которая была не очень – то теплая. И лил на себя, правда, не больше двух ведерок, большего вытерпеть не смог. Очнулся от этой добровольной экзекуции от возгласа:

– Ну, вы даете, Максим Алексеевич! – удивленно взирал на шестидесятилетнего «моржа» Влад.

– Эх, молодежь! Вы, верно, не знаете секрета купания холодной водой? А мне это знакомо по Балтике и Северу... Когда корабль в море, то душ бывал только из забортной воды... А прием прост: намылся, и тогда уже деваться некуда...

А за Владом, прикрыв рот ладошкой, как это делают в русской деревне бабки, хихикала над старым человеком Ольга.

– Посмотрите на себя, мумии несчастные, – по-доброму огрызнулся на них я.

Глядя на моих друзей, нельзя было сказать, что это были те самые напуганные событиями вчерашней ночи молодые люди. Хотя теперь их одежду украшали лишь белесые полосы глины. И я спокойно предложил сделать то же самое – для бодрости.

– Влад, с тобой все ясно – ты морского племени, а вот Ольга?

– А что – Ольга? – начала заводиться наша спутница. – Я-то в севастопольском дельфинарии с дельфинами резвилась до самого ноября... Могу и сейчас опрокинуть на себя несколько ведер...

И я скомандовал, что первой примет «душ» Ольга, но только два ведра. Затем она переодеется в сухое и займется едой. В общем, минут через двадцать к моим шмоткам на вантах добавились мокрые вещи Влада и Ольги. За стол мы сели в каюте, где не традиционном «блюде»-газете высились три хороших куска хлеба, три кружка колбасы и три бело-розовых шмата сала.

– Большого и не надо, – заметил я, похвалив Ольгу за бережливость.

– Только сегодня так богато, – решительно заявила Ольга, – это плата за вчерашний страх...

– А ведь план-то удался?! – не мог удержаться я. – Наша взяла...

И видя бодрость и воодушевление на лицах моих друзей, я решительно сказал:

– Нужно думать о следующем нашем шаге! Что скажете, друзья? Тревожно спросила Ольга, почему-то шепотом:

– А если нас станут искать?

Я молча обратился взглядом к Владу.

– В море шторм не столь заметен, у берега волны более высокие и шумные... Значит, можно вполне считать, что по береговой оценке там еще штормит...

Мы согласно кивали.

– Качка стала плавной, но в открытом море – это обычно явление. Главное – нет пенистых волн, а это говорит о том, что дело идет к спокойной воде, – не торопясь, Влад пояснил, что нужно уходить южнее, в открытое море...

Естественно, берега не было видно. Косматых туч становилось все меньше, вот-вот должно было снова проглянуть солнце. Мы сгрудились в кокпите перед каютой и стали определяться, где мы есть, и куда нас несет. – Судя по вчерашнему ветру, мы продвинулись к западу километров на 50–70. Если учесть, что побег начался ближе к двенадцати часам вечера. А сейчас – семь утра, – показал Влад на свои штурманские часы.

– Значит, мы прошли траверз Алушты и выходим на мыс Сарыч, – предположил я, – но берега не видно. Это означает, что нас сносит не к берегу, а на юго-запад...

Мы переглянулись и согласились с Владом, что нужно уходить южнее и тем избавиться от погони. Конечно, если ее все же устроят. А чтобы не расстраивать ребят, добавил:

– У Рыжебородого забот и так много, и наше исчезновение ему на руку... А погоня – это очень дорогостоящее дело, тем более сейчас, в дни разрухи... Да и как он объяснит столь большой интерес к нашим персонам? Яхта-то моя, все документы на нее связаны с моим именем...

– А пограничники? – спросила Ольга.

– Их из тридцати человек в Судаке осталось всего пятеро, а это уже не отряд – группа, – успокоил я ребят.

Максимум, что могли они сообщить, так это о яхте, которая в шторм оторвалась от причала и унесена в море, думалось мне. И если о ней никто не заявит, то ни пограничники, ни власти палец о палец не ударят, чтобы ее найти. Тем более, что все говорит – людей на ней не было. А пока мы, поставив кливер и смягчив этим бортовую качку, пошли по компасу к юго-западу, поочередно сменяя друг друга на руле.

В каюте нашлась старенькая сухая одежда. Каждому досталось что-то теплое. Я вообще совсем просох и щеголял в своем шерстяном свитере толстой шерстяной вязки. Попытка передать его Ольге или Владу, хотя бы на время, не вызвала у них желания принять такой прямо-таки царский подарок.

Ольга еще ранее вынула из рюкзаков все и развесила на вантах для просушки множество вещей. Мы находились в спокойной нирване и не торопили события. Неожиданно Влад сорвался с места и заорал:

– Солнце... Выглянет солнце... Быстрее сектант, – и с этими словами он исчез в каюте, где уже вскрыл тайник и приготовил навигационные инструменты к работе.

Действительно, слева от нас на небе что-то светлело. Но и этого светлого пятна оказалось достаточным, чтобы определить наше положение в море. Между тучами светлело все больше, луч солнца к нам не прорвался, но Влад успел замерить высоту светила. Теперь речь шла о работе с таблицами и картами, которые мы нашли в каюте в клеенчатом портфеле.

Ольга сидела на румпеле, а мы с Владом колдовали над справочниками. Несколько минут поиска нужных данных, совмещение со временем, угол солнцестояния и...

Широта с долготой оказались у нас в руках. Мы были в пятидесяти километрах юго-западнее мыса Сарыч, что рядом с Балаклавой, и вблизи Севастополя. А это означало, что ближайший берег, кроме крымского, – румынский и болгарский. Узнав, что нас несет к Румынии, Ольга воскликнула:

– Нет, только не туда... У нашей семьи к румынам свои счета... Еще с войны... Они здесь такое вытворяли... Только не туда...

– Успокойся, Ольга, мне так же не хотелось бы оказаться в Румынии по двум причинам: мой дядя-танкист погиб там, и я был в этой стране в конце семидесятых с «щепетильными делами»... Мог остаться след...

И чуть ли не хором мы воскликнули:

– Даешь Болгарию!

* * *

Вот так случилось, что мы даже не стали обсуждать вопрос из вопросов: что делать дальше, после побега? И если возвращаться в Россию, то не через Крым или даже Украину, а через границу.

Болгария... Русские сердца всегда связывали с болгарями самые лучшие чувства. Еще со времен конца восемнадцатого века, затем русско-турецкой войны семидесятых годов поза-

прошлого века и времени борьбы с фашизмом. Наконец, православные болгары – наши братья по разрушенному соцлагерю...

Итак, жребий был брошен – Болгария. Тогда я не сказал, но подумал о том, что в Болгарии я, возможно, смог бы разыскать моего знакомого по делам службы – коллегу по профессии. Мы встречались с ним в Москве.

Я знал, что разорение социалистических начал коснулось и Болгарии, но «мой» болгарин не мог исчезнуть бесследно. Последний раз я его видел незадолго до нынешних событий в Москве. Он тогда работал на одном из каналов болгарского телевидения, имея свою программу...

К полудню небо прояснилось окончательно и брызги солнечных лучей слепили глаза, не вызывая недовольства с нашей стороны. Окончательно просохла и наша одежда, которую мы в свое время не догадались простирнуть в воде.

А так как воды вокруг было полно, мы решились испробовать старый матросский способ стирки еще со времен парусных кораблей. С этой целью наиболее загрязненную глиной часть одежды мы насадили на длинный шкертик и выбросили... за борт. И через час-другой, прополоскавшись в волнах, выстиранная одежда и белье стали чистыми до неузнаваемости.

Окончательно, кажется, мы привели в порядок и свои мысли о будущем. И даже наметили конкретные шаги. Во-первых, мы находились в километрах трехстах от болгарского порта Варна. Имея ход в двенадцать-пятнадцать, а то и двадцать километров, мы могли преодолеть это расстояние за сутки. Яхта такой ход могла держать, если, правда, погода будет благоприятствовать, волна станет более спокойной, и мы сможем поднять все паруса.

Во-вторых, мы были в состоянии управлять яхтой по очереди, ибо каждый владел в разной степени навыками работы с парусом.

Наконец, в-третьих, захваченные из дома продукты вполне могли составить наш рацион на два-три дня: хлеб, колбаса, сыр, сало, картошка, лук... и огурцы.

И все же было одно «но». Вода! Обыскав все уголки яхты, мы нашли два анкера с остатками воды – не более 5–6 литров. Чуть затхлая, но все же вода. И это на троих?! Поэтому оговорили, что часть воды мы будем получать для утоления жажды из... огурцов, благо, что они чуть ли на девяносто процентов состоят из воды, а их у нас было с десятков. Мы благодарили нашу Ольгу за то, что она, в темноте и наощупь, выбрала самые большие из них.

Конечно, еще вчера можно было бы собрать воду штормовую, но время было упущено. Сегодня же погода все более радовала нас, как и море, которое час от часа успокаивалось. Однако меры к приему «небесной влаги» мы все же предприняли: на случай дождя держали наготове парус.

Прокладку курса доверили, естественно, Владу и по очереди стояли на руле. В кокпите каждый из нас с удовольствием сидел – это было приятное место. Над бортом торчала только голова, а по телу разливалось тепло, даримое мартовским, но все же южным солнцем.

Курс мы держали на мыс Калиакрия, чуть-чуть севернее порта Варна. Этот мыс привлек нас по двум причинам: мы не хотели идти прямо в большой порт, к местным властям, а еще нас интересовал этот мыс своим легендарным прошлым. Здесь была одержана одна из первых блистательных побед русского парусного флота над турками, еще при адмирале Ушакове. После сражения при Калиакрии северная часть Черного моря стало безраздельно принадлежать русским.

Тревога, естественно, не покидала нас. Нужно было думать о встрече с болгарями – пограничниками, таможенниками, властью. Нам следовало бы подготовить убедительную легенду нашего побега и «биографию» каждого из нас.

Конечно, и легенда, и биографии лишь частично стали бы носить элементы блефа – лучше всего кое о чем умалчивать. Но впереди мы имели двадцать, а может быть, тридцать

часов хода, и за это время надеялись подготовить достаточно убедительные причины нашего побега и просьбу к местным властям в чем-то помочь нам.

Итак, на борту небольшой пятиместной яхты «Кафа» собрались без преувеличения смелые люди, хотя и волею судьбы оказавшиеся таковыми. Теперь каждый должен был рассказать о себе поподробнее, но в рамках того, что позволило бы выдержать перекрестный допрос на суше.

В этой ситуации одно могло радовать: бегство наших сограждан из отчизны по разным причинам, вернее всего, становилось нормой. И конечно, Болгария принимала у себя русских братьев, тем более единоверцев, и всех, кто хотел следовать дальше в Европу или за океан.

– Ну, начинай первым, Влад, – предложил я. – Пусть Ольга пока подумает о грехах своей непорочной жизни...

Мы сидели в кокпите, укрытые от ветра и укутанные в просохшие куртки, надетые на свитера грубой вязки. На руле сидела Ольга, и ее молодость и крепкая спортивная фигура вполне увязывалась с боевой операцией прошедшей ночи.

Я выбрал Влада первым для самоотчета, потому что Ольга была более опытной на жизненном пути.

– Максим Алексеевич, я здешний, феодосийский... С Карантина, – начал Влад. – Вам это место хорошо знакомо... Но школу кончал в Судаке... Мне двадцать пять. За плечами – морской техникум по классу судоводителей малых судов, имею диплом штурмана четвертого класса... С морем дружу с двенадцати лет – морские классы с походами под парусом по всему Крымскому побережью...

Меня несколько озадачило поведение моих новых молодых друзей. Что они друзья, я не сомневался – Влад подарил мне жизнь, рискуя своей. А озадачивал тот факт, что им как-то была чужда молодецкая бравада и, что особенно странно, чувство тревоги за произошедшее. Видимо, мое знакомство с новым поколением все еще не состоялось.

– Влад, ты послан нам Богом для нашего дела! Твои штурманские навыки – это то, что нас сейчас больше всего устраивает... А дальше? Твои планы? В Болгарии?

– Меня давно тянуло в Европу... Ходил я на судах пока вдоль берега, в каботаже... Даже загранпаспорта не имел... Да и никто загранику не предлагал, особенно после девяносто первого года... Ходил вдоль берегов турецких, румынских, болгарских, а в их портах так ни разу не побывал... А ведь интересно!

Увидев мой изучающий взгляд, Влад поправился:

– Да вы не думайте, что я сбегу... Нет, пересажу где-нибудь в Болгарии и опять в Крым, к себе... Только вот как добираться домой?

Я прервал исповедь моего товарища вопросом: все ли документы у него при себе – паспорт, удостоверение штурмана и водителя судов, трудовая книжка, профбилет, метрики? Как оказалось, и это вполне естественно, трудовая книжка осталась в кадрах порта Судак, где он последний раз работал на близких перевозках. Но для Болгарии документов было достаточно.

Влад принял управление яхтой, и передо мной оказалась Ольга. Она внимательно слушала наш разговор и начала свой рассказ с возраста.

– Мне идет также двадцать пятый год... Закончила школу в Судак, курсы библиотечные, машинописи и работы на компьютере... Была машинисткой в маленькой фирме и подрабатывала в библиотеке... Дочь моряка и сама в душе и наяву морячка... Для вашего, личного сведения, – весела закончила Ольга, – не замужем...

И ничего – про Севастополь.

Ольга так выплеснула нам свою «биографию», что я не успел даже удивиться – в ней не было ни слова о службе во флоте. Разве что дельфинарий, упомянутый ранее. Она – молодец!

Упоминание о замужестве нас особенно обрадовало и развеселило, ибо эту особенность ее биографии мы знали давным-давно, как и всех ее поклонников. Правда, по линии школы, в которой они с Владом какое-то время учились вместе. А у меня в ответ на это ее признание дрогнуло сердце: не обращалась ли она с этим возгласом к сердцу Влада?

Мне было интересно знать об их отношении к событиям последних дней, так стремительно ворвавшихся в их жизнь.

– Оля, ты вчера здорово испугалась?

– Еще как, – немедленно ответила она. – Но... рядом были вы с Владом. А когда мы поползли, уже бояться было некогда... Мне говорил отец: трясись, пока думаешь, но не трусь, когда приняла решение...

Вот она, нынешняя молодежь, умеет выделить в жизни человека главное – не трусь... Это ее среда, где чуть ли не ежедневно приходится чего-то бояться и защищаться.

– Кто был твой отец? – спросил я, понимая, что это нужно знать не столько Владу, сколько там, в Болгарии.

– Отец был хорошим для нашей семьи и меня... Но он ушел от нас с мамой и братом... Брат сейчас уже очень взрослый и живет в Севастополе... У него семья... А отца мне здорово не хватало, с десяти лет... Вот почему я говорю «был»... Сейчас он снова один, я ведь его покинула... ради «путешествия на яхте», – искренне печально улыбнулась Ольга.

Позднее Ольга рассказывала, что отец ходил на сухогрузах по всем портам Черного моря. Отовсюду привозил подарки, был жизнерадостным и веселым человеком, с удовольствием отдыхал дома, возился с детьми с утра до вечера.

– Папа нас баловал и очень гордился нами, разбойниками, как назвал он нас... Ушел из семьи в одночасье, узнав об интересе мамы к его другу, работавшему на берегу... Маму я не осуждаю, ведь папа отбил ее у того самого друга чуть ли не в день их свадьбы...

Исчезновение из ее жизни отца Ольга переносила тяжело и искала утешение в общении с мужчинами, но они чаще всего, как она говорила, видели в ней только куклу для развлечения.

– А Влад? – спросил я.

– Влад – это другое. Он мой друг и, наверное, теперь брат, которого я потеряла в Севастополе. Он рос без отца и без матери... Рано встал на ноги, причем сам, и начал помогать деду и бабушке, которые его воспитывали... И вообще, он искренен к людям и добр...

Любопытно отношение друг к другу этих столь быстро завоевавших мое сердце молодых людей. Пара отлично дополняла один другого. Из большого жизненного опыта я чувствовал, что именно так вырастает затем любовь, чаще всего до гробовой доски. Особенно, когда они вместе делали нужное обоим дело – вроде нынешней эпопеи, трагической по содержанию, но укрепляющей в них общее.

– Неважно, к кому – ко всем, – упрямо говорила Ольга, отведя ото лба мешавшую ей прядь волос. – Вот и сейчас он делает вид, что не слушает вас и меня... А сам...

И Ольга рассмеялась от души, радуясь тому, что раскусила своего друга:

– Он... Он не только добрый... Он надежный!

И, действительно, Влад смотрел вроде бы в сторону, но его выдавали уши, горевшие пунцовым огнем. И еще на его лице появлялась улыбка, временами почти дурашливая, – от счастья, наверное.

Этот крепкий и ладный парень, с опытом личной жизни, не баловавшей его, и с морской закалкой, нечасто слышал добрые слова. А мнение Ольги для него – это как бальзам на душу.

И при близком и длительном общении с этой симпатичной мне парой я все более убеждался, что они становились и друзьями, и парочкой, и братом с сестрой...

* * *

... Солнце уже не покидало небосвод. Лишь иногда на него набегали облака, не предвещавшие ни сильного ветра, ни бурного моря или дождя. И когда облака все же немного закрывали его, то мощные потоки его лучей прожектором ложились на море, высвечивая катящиеся к горизонту валы. Такое зрелище можно наблюдать только в открытом море. Оно завораживало меня в бытность на службе на кораблях Северного и Балтийского флота, когда в силу моих дел за океаном пришлось возвращаться в Союз через Атлантику.

Пока ветер дул нам в корму или, как говорят моряки, был «фордевинд». Он лучше всего способствовал нашему движению к берегам Румынии, вернее всего, к южной части ее. Однако часа через два следовало лечь на строгий «вест» – западный курс. Скорость при этом несколько уменьшится, но яхта будет нести нас в заветное место – к мысу Калиакрия.

К кливеру мы уже добавили грот, подняв его до половины. Больше было нельзя – яхта и так неслась по волнам со значительным креном. Спасибо моему другу, ибо ее остойчивость была отличной, и мы могли не вылезать из кокпита для удерживания яхты от сильного крена собственными телами. Оттуда мы время от времени видели, как наша спасительница касалась краем борта волны.

Настала моя очередь поведать о себе. Конечно, в ожидании встречи с болгарской властью моим коллегам по побегу знать обо мне слишком много не было необходимости.

– Ребята, – обратился я к Владу, сидящему на руле, и к Ольге. – Несколько слов о себе... Военный моряк – в отставке с выслугой в сорок лет. Хотел остаться на постоянное жительство в Судаке, но после «украинской самостоятельности» меня здесь не захотели принять. Вот ты, Влад, знал моего флотского друга... Он доверял тебе и вверил в твои руки яхту, хотя документы оформил на мое имя...

Я сделал ударение на слове «флотский», чтобы Влад и Ольга, которые наверняка могли знать, что мой друг служил до болезни в госбезопасности, не акцентировали внимание болгарских властей на этой детали из моей жизни и жизни моего друга. Вернее всего, они, как весьма понятливые ребята, просто забудут этот факт его биографии, если все же очередь дойдет до разговоров о его персоне. А то, что может быть такой разговор, вероятность большая – яхта-то записана на мое имя, и с его подачи...

Но затронув тему яхты, я начал реализовать идею с продажей яхты в Болгарии, ибо на что-то нужно было жить, хотя бы в первое время.

– И вам, Влад и Ольга, и мне нужно будет устраиваться на болгарской земле, если, конечно, нас там примут... И дома меня ждут, но когда еще удастся там оказаться? А вы нужны друг другу и следует вам думать о будущем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.